

БИБЛИОТЕЧКА
АГИТАТОРА И
ПРОПАГАНДИСТА

Выпуск 67

СЕРИЯ „СТИХИ, РАССКАЗЫ, ОЧЕРКИ ОБ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ“

КНИЖКА 17

АЛЕКСАНДР ДОВЖЕНКО

НОЧЬ ПЕРЕД БОЕМ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „СТАЛИНСКОЕ ЗНАМЯ“

Пенза 1942

Смерть немецким оккупантам!

АЛЕКСАНДР ДОВЖЕНКО

НОЧЬ ПЕРЕД БОЕМ

Отв. редактор Н. И. СТРАХОВ.
Тех. редактор Г. М. ГОРЕНШТЕЙН.
Рев. корректор О. П. ГАРОЗА.

ФЛ4267. Формат 4х6 кв. Об'ем 24 стр.
Тир. 5100. Зак. № 2034

Типо-литография издательства «Сталинское знамя».
Пенза, ул. Кирова, 65

— Товарищ командир! Завтра вы поведете нас в бой. Мы все вот тут — и старики, что по полгоду на войне, и молодые, вроде Овчаренко, что идут в бой впервые, все мы знаем, что завтра бой будет горячий, и кое-кто из нас, конечно, погибнет. Правду я говорю?

Иван Дробот, молодой танкист с чрезвычайно приятным и скромным лицом, волновался.

— Правду,—ответил просто и спокойно Герой Советского Союза, знаменитый их командир Петро Колодуб.—Продолжайте, Дробот, что вы хотели сказать перед боем.

— Я хотел спросить вас, хотя о вас пишут во всех газетах и на собраниях говорят, как о человеке бесстрашном и неутомимом, хоть вы на вид, извините, такой маленький и не очень как будто здоровый, так вот откуда оно у вас берется все это, что говорят, и сами мы знаем, что вы из любого пекла выхо-

дите победителем; так вот, что вы за человек такой, скажите нам неофициально, как будто мы и не на войне совсем. Где ваш не боевой, а как бы сказать, внутренний секрет? Может, я не так высказался, извините.

Дробот покраснел от своего долгого и путанного вопроса. Ему казалось, что он неясно выразился, и это его совсем расстроило.

— Нет, хорошо, Дробот. Вы прекрасно и тонко высказали свою мысль, и я с большой охотой вам отвечу, тем более, что и секрет такой у меня, действительно, есть.

Все бойцы и командиры, а их было в землянке человек тридцать, задвигались и, расположившись для долгого и приятного слушания, притихли. Командир умел рассказывать. Они были добрые бойцы, и Петро Колодуб любил их. Отложив на походный столик трубку, он немного выждал, пока стало совсем тихо.

— Это было да Десне,—начал знаменитый капитан, улыбнувшись.—Да... Одним словом, самый обыкновенный наш украинский дед-рыбалка перевернул мне тогда всю душу.

Кто из бойцов, познавших всю тяжесть прошлогоднего немецкого вторжения, забудет этого деда? Помните осень? Что ни река, то и драма, то и перевозчики-деды, словно добрые речные духи. Они были смелые, эти деды, суровые и не боялись смерти. Кое-кто сказал бы, что они не любили нас на переправах. Иной раз их нелюбовь к нам, ну, прямо-таки не знала границ. Было такое?

— Было,—вздохнули в землянке.

— Ну, так вот, слушайте.

Капитан Колодуб подобрал под себя ноги,—это была его любимая поза с пастушеского детства,—и, упершись руками в колени, посмотрел на бойцов.

В землянке было накурено. Бойцы сидели в полутьме в самых разнообразных позах, прислонившись друг к другу. Все они были разные и все родные. Всех их об'единяло чувство единой семьи, то незабываемое и неповторимое, что перед лицом ежедневных опасностей сближает на войне чистые сердца юношей, что остается потом у человека самым дорогим воспоминанием на всю его жизнь.

Пройдут года, заживут раны, запашутся вражьи могилы, застроятся пожарища, и многие события перепутаются в

седых головах от частых воспоминаний и превратятся в рассказы, но одно остается неизменно верным и незабываемым—высокое и благородное чувство товарищества и братства всех бойцов, что уничтожили и стерли с лица земли немецкое безумие.

— Мы отходили без связи, без артиллерии, мы отступали на восток день и ночь. Вражьи клещи вот-вот должны были сомкнуться перед нами. Мы несли на плечах своих раненых товарищей, падали с ними, проклинали все на свете и шли дальше. Правду сказать, были такие, что и стрелялись в отчаянии и гордости. Были такие, что бросали оружие и с горькой бранью ползли к своим хатам, не имея духу пройти мимо.

Колодуб замолк, задумавшись.

— Нас было немного, человек пятнадцать,—сказал он, погодя.—Было несколько танкистов из разбитых танков, были пулеметчики, политработники, два бортмеханика, радист и даже один полковник без полка. Я был тогда еще командиром танка, оставшегося у немцев с пробитым мотором. А до войны я был садовником, песни пел, дивчаток любил, да, кажется, и все.

Капитан Колодуб так тепло и вместе с тем с такой иронией усмехнулся, что за ним усмехнулась вся землянка.

— Мы выбились из сил. Ноги нас уже не несли, наступала ночь. Перед нами, за селом, большая река. Многие из нас не умели плавать. А немцы были недалеко. Нам указали хату перевозчика.

— Тикаете, бисовы сыны?—спросил нас дед Платон Пивторак, выходя из сеней с веслом, сетью и деревянным черпаком.—Богато я уже вас перевез. Ой, богато, да здоровые все, да молодые, да все—перевези, да перевези... Савка!—крикнул Платон в соседнюю хатку.—Пойдем, Савка. Надо перевозить—нехай уж тикают. Га?! Пойдем, пойдем, это уже, мабуть, последние.

Савка вышел из своей хатки и смотрел на нас с притворным удивлением. Было ему лет семьдесят, если не больше. Был он маленький, с подстриженною бородкой, очень похожий на икону Николая Угодника, если бы безобразная, как коровий кизяк, кепка не лежала у него на ушах, да землистого, так сказать, цвета свитер не висел на нем, как отцовский пиджак на подростке.

За дедом Савкой из сеней вышел здоровый хлопец с двумя веслами.

— Э-г-е-е! Что-то вы, хлопцы, не той, не как его, не туда, будто, идете,—сказал дед Савка и хитро посмотрел на нас.

— Одежка вот на вас новая, да и торбочки, и ремни, эге, и сами молодые, а заворачиваете неначе не туды, га?

— Пойдем, уж, довольно,—сказал Платон.

Пошли.

— Успокойтесь, лодка есть и довольно порядочная,—прошептал я нашему спутнику Борису Троянде, который все время волновался больше всех. Он не умел плавать.

— Вы думаете, они нас перевезут? По-моему, надо быть очень осторожными,—сдерживая волнение, сказал Троянда.

— Не знаю, чего они так тикают?—сказал дед Платон, идя с Савкой к реке, как будто нас тут вовсе и не было.

— Чего они так той смерти боятся? Раз уж война, так ее нечего бояться. Уж если судилась она кому, так и не сбежишь от нее никуда.

— Эге!—согласился Савка. Уж, как говорится, ни в танке не спрячешься, ни в печи не замажешься.

—Душа не серьезная, разбалованная,— сердился Платон.— Ты возьми моего Левко. Как он на Халхин-голе тех самых, как их, бил? Всех до одного вычистил! Читал письмо? Полковник Левко Пивторак, я понимаю! А это казна-що, не люди.

Мы шли молча тропинкой в густом лозняке. Деды шли впереди с сетками и веслами, очень медленно, как на обычную рыбную ловлю, и, казалось, не обращали никакого внимания ни на орудийную стрельбу, ни на рев вражеских самолетов, —словом, весь немецкий фейерверк, что так замучил нас за последние дни тяжелого отступления, для них вовсе не существовал.

— Слушай, старик,—ты не можешь итти немножко быстрее?—обратился к Платону Троянда.

Платон не ответил.

— Слушайте, диду, вы не можете итти немножко швидче?—сдерживая себя, спросил Троянда еще раз.

— Не могу, — ответил Платон. — Чего вы такой швидкий стали, кто вас знает? Стар я уже швидко ходить. Отходил свое.

— Скажите, а где речка? Далеко речка?

— А вот и речка.

Действительно, лозняк сразу кончился, и мы вышли на чистый песчаный плес. Перед нами была тихая, широкая Десна. За рекою крутой берег, а далее вправо снова пески и лозы. За ними темные леса, а над рекою и под лесами вечернее небо, какого я никогда в жизни таким не видел.

Солнце давно уже зашло. Но его лучи еще освещали из-за горизонта верхи исполинского нагромождения туч, что надвигались с запада на все небо. Тучи были тяжелые, темно-темносиние, снизу совсем черные, а самый верх, самый венец их, почти над нашими головами написан был буйными кручеными кроваво-красными и желтыми мазками.

Величественные немые молнии воробьиной ночи полыхали меж громадами туч, почти не угасая. И все это отражалось в воде, и казалось, что мы стояли не на земле, и что реки нет, а есть межоблачный темный простор, и мы, затерянные в этом просторе, как речные песчинки.

Небо было необычайное. Природа была словно в заговоре с событиями и преду-

преждала нас своими грозными знаками. Рыба боялась такой ночи и бросалась на отмели у берегов. Где-то за нами, под самыми тучами, взносились, как змеи, немецкие ракеты. Было светло. Светило желтоватым отблеском зловещей короны туч. Далеко гремели орудия. Мы стояли неподвижно. Было что-то торжественное и грозное вокруг. Все приумолкли и растерялись, точно перед каким-то необыкновенным событием.

— Ну, сидайте, повезем. Чего стали?— сказал дед Платон. Он уже стоял с веслом возле челна.

— Повезем уже, а там что бог даст. Не умели соблюсти себя, так уже повезем, тикайте, чорт вашу душу бери... Куда ты шатаешь? Челна не видел, воин?—загремел дед на кого-то из нас. Мы молча уселись в лодку, и каждый стал думать свою невеселую думу.

— У тебя готово, Савка?

— Можно.

— А туч наперло. Ач, що робится! Страшный суд, что ли, начинается?

Дед Платон поглядел на небо и плюнул в ладонь. Потом он взял весло и сильным рывком оттолкнулся от берега. Савка с внуком налегли на боковые вес-

ла. Челн был большой и старый. Весь он был просмолен и иссечен временем.

Я сидел в челне вблизи деда Платона. Я смотрел на тихую реку и на берега, и на сурового кормчего, что возвышался надо мною на фоне торжественного неба. Мне показалось, что меня перевозят на тот свет. Стыд и отчаяние, и невыразимая тоска, и множество других чувств охватили мою душу, скрутили ее и пригнули. Прощай, моя красавица Десна!

Меня вывел из задумчивости голос Платона. Он продолжал с Савкой свою беседу, оскорбительную и горькую для нас. Видно, его что-то мучило, что-то хотелось ему додумать до конца. Он словно думал вслух:

— Чорт его знае, что оно такое началось. Сегодня утром заходит в хату какое-то дерьмо, да все кругом в оружии, да в ременьях, да не в каких-либо ременьях, а в новых.

— Эге! — послышался сзади голос Савки.

— А это ж все гроши.

— Эге!

— Вставай, говорит, вези, довольно спать. А я три ночи не спал, возил.

— А оце недавно перед вечером пере-

возил я с Митрофаном одну партию. Так одно, чорты его батька бери, в очках, вроде того, что возле тебя сидит, тоже в новых ременьях, так еще револьвер вытянуло, да кричит — вези, говорит, скорей, куркуль. Ей-богу, правда. А у самого руки дрожат и очи вытаращил, как ерш чи окунь, от страха. Вот творение, хай бог милует.

— А-а, чорт зна що.

— Эге. Так товарищи вступились, спасибо им. Что же ты, говорят, чортов сын, дида обижаешь. Да чуть не побили. Так притихло. Вот такая пустота. Ну, ты подумай... О, здорово!—прислушался Платон к орудийным выстрелам. — Скоро, мабуть, появится герман.

Прогремели выстрелы тяжелых немецких орудий. Пролетели перепуганные утки.

— Диду, перевези...—сердился Платон.

— Эге!—подхватил Савка.—А не знают, трясце их матери, что уж кому на войне судилося помереть, так не выкрутишься, никакой челн тебя не спасет. Не догонит пуля, догонит воша, а война свое возьмет... Бери влево! Быстрина велика,—захлюпал Савка веслом.

— Беру. Коли б мой Левко со своим

полком был тут, тот бы не отступил, нет. Тот бы этого челна повернул назад да по шеям, по шеям!—рассердился Платон и налег на весло.—Тот не отступит, нет, чорта с два!

— Эге! Вот такий и мой Демид. Его хоть огнем жги, хоть на шматки режь, ну, не отступит. Куды твое дело!—сказал Савка и плюнул в ладони.

— А ци думают спастись, а оно, гляди, выйдет на то, что долго будут харкать кровью. Это же все доведется забирать назад!

— А доведется, — подхватил Платон и со всей силы гребнул веслом три раза.— Шутка сказать, сколько земли надо отбирать назад. А это же все кровь!

Я смотрел на деда Платона и с трепетом слушал каждое его слово. Дед верил в нашу победу. Он был для меня живым и грозным голосом нашего мужественного народа.

— Наша часть вынуждена была отступить,—сказал полковник.

— Балакай. Не умели биться. Вот тебе и отступление,—сказал Платон.—Что в войсковом уставе сказано про войну. Ну? Сказано—коли целишь в ворога, возненавидь цель.

— А где ваша ненависть?—подхватил Савка.

— Эге! А умирать боитесь. Значит, нема у вас живой ненависти. Нема!— дед Платон даже крякнул и привстал на корме.

Мы не знали, что отвечать.

— О, плыве шось. Наш, чи нимец?— сказал дед Платон и притянул веслом труп.

— Нимец... А, холера на твою голову. Уже плывешь. Ач, куда забрался. В Десну! Успел, нечистый. А вы все думаете да все страдаете. А страдать некогда!

— Я, диду, ненавижу немцев всей душою!—крикнул Троянда и даже привстал от волнения.

— Значит, душа у тебя мала,—сказал Платон.—Душа, хлопче, она бывает всякая. Одна глубока и быстра, как Днипро, другая—как Десна вот, третья—как лужица, а часом бывает так, что и лужицы нет, а так что-то мокренькое, вроде, извините, бык покропил.

— Ну, а если душа большая, а человек нервный?—обиделся Троянда и рассердился тут же на себя. Был он умный и находчивый человек, а тут вдруг вся находчивость словно испарилась.

— А ты прикуй себя от страха цепью к пулемету да и клади врага молча до смерти,—сказал Платон.—А там уже когда-то живые разберут, какой ты был нервный. А то, выходит, ненависти в тебе много, а нервов и себялюбства еще больше. Вот и перевезите, диду! А ненависть твоя потратится на что-либо другое. Какая же ей цена, когда умирать не умеешь?

Ну, это не всякий может,—пролепетал окончательно сбитый с толку Троянда.

— В том-то и беда. А надо, чтобы всякий мог, когда враг ломится. Хлеба ж кушать всякий требует. И языками галакать все научились.

— Подай чо-го-го-го! Човен пода-а-а-й! А-га-га!—донеслось с того берега.

— О, уже распинаются нервные души. Накликают немца. А нема того, чтоб тихо подождать,—сказал Савка.

Проплыли немного молча. Платон начал сильно грести веслом. Видно, ему хотелось что-то еще сказать, чем-то перебить свое недовольство.

— Ты подумай себе, Савка, как это Сталину смотреть на все это. Ведь он же

надеялся на них, как я на своего Левко, а оно вот что выходит,—диду, перевези!

— А вы слышали речь товарища Сталина? — спросил Троянда.

— Нет, не слышали, — глухо ответил Платон и вздохнул.

— Эге,—промолвил Савка.—Сколько лет Сталин их учил, ты подумай,Платон. А они бегают. Вот он и говорит теперь: что вы, говорит, делаете? Стойте, не смейте тикать! Чем же дальше вы тикаете, тем больше крови прольется. Да не только вашей солдацкой, а и материнской и дитячей крови. Вот какая речь!

— Так товарищ Сталин не говорил,— назидательно заявил Троянда.

— Не говорил, так еще поговорит,— сказал Савка.—Сталин, он что говорит? Он говорит, что народ думает, вот что он говорит...

— Не знаю, как ты, Савка,—сказал Платон, — а меня бы с Днепра или с Десны не то что Гитлер, а сам нечистый не выгнал бы, не к ночи будь помянут, прости господи.

— Легко сказать, дедушка. А вот посмотрели б вы на танкетки! — оправдывался лейтенант Сокол.

— Ну и что ж? — перебил его Платон, очевидно, не имея никакого желания выслушивать нас. — Сколько она может убить вас, танкетка? Все равно вам же придется их разбивать, не мне. Я свое отвоевал. А вот Левко мой на Халхин-голе, слыхали, что сделал с этими, как их?.. Танкетки!.. — разгневался дед. — Людская душа молодецкая сильнее всякой танкетки. Было, есть и будет! Как это в песне про Морозенко поют: «Де проихав Морозенко — кривая ричка», — вот!

Я не выдержал дедовых разговоров, так тяжело мне стало его слушать. В эту минуту он показался мне жестоким и несправедливым дедом.

— А разве вы думаете, диду, что нам не тяжело? Разве вы думаете, что боль и жалость не раздирают наши души, не мучат, не жгут наши сердца адским огнем?! — простонал я ему в самые очи.

— А что мне думать? — посмотрел на меня Платон.—Думайте вы. Жизнь ведь, она уже ваша, а не моя. А только я так скажу вам на прощанье: не с той чаши наливаете. Пьете вы, я вижу, горе и тоску. Зря пьете. Это, хлопцы, не ваши на-

питки. Это напитки бабские. А бойцу надо сегодня напиться крепкой лютости к врагу да злобы. Это ваше вино. А горе и жалость — не ваше занятие. Жалость подтачивает человека, как червь. Побеждают быстрые да сердитые, а не жалостливые!—сказал дед Платон и умолк. Он высказывал, наконец, свою мысль. Это была его правда. Он возвышался на корме, суровый и красивый, и смотрел вперед поверх нас.

В это время недалеко от нас упал снаряд и поднял вверх огромный водяной столб.

— Ого!.. А что рыбы поглушит в речках!.. — послышался голос Савки.

— Теперь поглушит, — сказал Платон.—Позапрошлую зиму подохла от задухи, а теперь немцы гранатами высадят дотла. Опустеют теперь и речки и все на свете. Приехали.

Челн мягко уткнулся в речной песок. Я вышел на берег совершенно опустошенный и вместе с тем какой-то совсем иной, новый. Как будто я утопил в Десне и свою печаль, и тоску, и отчаяние отступления. Я оглянулся. За Десною горело. И красное зарево пожара как-то по-новому

осветило мою душу. Нестерпимый огонь прожег меня насквозь. На мгновение мне показалось, что, кинься я сейчас назад в Десну, и вода б расступилась передо мной. Этого, хлопцы, я никогда не забуду. Мы стали прощаться с дедами, спеша в кусты.

— Постойте трохи, — сказал Платон, опершись на весло.

— Так что ж прикажете передать герману? Как встречать его, как в глаза смотреть?

— Передайте, что мы еще вернемся. Не дрейфьте, дед, вернемся, — попробовал подбодрить деда Троянда.

Дед посмотрел мимо планшеток Троянды и легонько сплюнул.

— По-дай го-го-го-го! Ого-го-го! — донеслось с того берега.

— Прощайте, спасибо, — тихо говорили мои спутники. уходя в лозы.

— Идите себе, — равнодушно сказал дед Савка. Платон молчал.

Мы ушли в лозы. Я шел последним и думал про деда Платона. Спасибо ему, думал я, что не пожалел нас, не окропил нашу дорогу слезами, что высек из моего сердца огонь в ночи... Отчего ж ты, прав-

да, так горька и солена подчас, думал я и остановился. Потом я побежал назад, к Десне.

Я должен был что-то сказать на прощанье деду Платону. Я выбежал на берег.

Платон стоял у самой воды с веслом, как пророк, неподвижный, и, очевидно, глядел нам вслед.

Прощайте, диду. Простите нас, что не уберегли вашу старость, — сказал я, задыхаясь. — Мы вас, диду, никогда...

— Иди, не крутись перед очами,—сказал Платон, даже не взглянув на меня.

По сухому, темному его лицу текли слезы и падали в Десну.

Вот, друзья мои, и все. Вот и весь секрет мой, — сказал капитан Колодуб и зажег трубку.

Все в землянке вздохнули.

— Сейчас я Герой Советского Союза. Много я уничтожил врага, что и говорить. Много постреля́л в наступлении и гусеницами подавил немало. Бывало, поверите, тошнило от хруста немецких костей. И сам попадал не раз в переплет. Но где б я ни был, как бы ни бушевали вокруг меня вражьи ветры, им никогда уж не погасить того огня, что зажег во мне когда-то

в челне дед Платон... Что наша жизнь? Что наша кровь, когда страдает вся наша земля, весь народ? — голос капитана зазвучал, как боевой сигнал.

— Я, хлопцы, в бою сторукий, помноженный на стократ гнева и ненависти! Так.

Капитан Колодуб усмехнулся.

— А все-таки ничего в жизни я бы так не хотел, как после войны поехать на Десну к деду Платону...

— И сказать ему, что он ошибался, товарищ Герой Советского Союза. Добрый вечер! Ну, как?—раздался у дверей бравый голос Бориса Троянды, что уж с полчаса как зашел в землянку.

— И поклониться деду Платону в ноги за науку,—сказал капитан, словно не слыша вошедшего.

Стало тихо. Никто не двигался, словно все танкисты мыслями были еще на Десне.

— Нет, товарищ капитан, не поклонитесь вы деду Платону, — вздохнул молодой танкист.

Все оглянулись. Это был Иван Дробот. Он стоял в дальнем углу землянки. Он

был как-то особенно взволнован рассказом.

— Деда Платона, товарищ капитан, уже нет в живых,—сказал Дробот. — Как только вы ушли с лозы, сразу подбежали немцы. Долго били они деда за перевоз, хотели было расстрелять, а потом прибыл приказ им немедленно переправиться на другой берег. Ну, повезли. Насело их полным-полно. Выплыли на середину Десны, тогда дед Платон и говорит:«Савка, прости меня!—Бог простит. В другой раз! — Бог простит. В третий раз! —Бог простит. — Прости и ты меня, Платон! — сказал дед Савка. — Бог простит. В другой раз! — Бог простит. В третий раз!—Бог простит!» Да за третьим разом как подняли они весла, да как бросились сразу на правый борт, так и перевернули челны. Все потонуло: и пулеметы, и немцы, и деды. Один только я выплыл на наш берег.

А кто ж ты такой? — тихо спросил капитан Колодуб.

— Я внук деда Савки. Я сидел на втором весле.

— Встать! — скомандовал Колодуб.

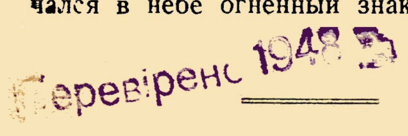
Все встали. Долгую минуту стояла молча семья бойцов.

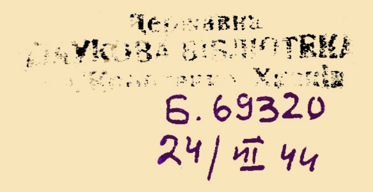
Капитан был бледен и торжественен. Он стоял с закрытыми глазами. Потом он опустился на одно колено, и все последовали за его движением.

— Готовы к бою? — спросил Колодуб и вырос перед бойцами, как дед Платон на Десне.

— Готовы на любой огонь!

Тихо стало в землянке. Тихо и на позиции. Только далеко на горизонте качался в небе огненный знак прожектора.

Цена 50 коп.